

Ергобек Ш.К., Алтаева К.Ж.

**Идеи Евразийства в империи
Чингисхана в западных
источниках
(на трудах Марко-Поло)**

В статье рассмотрены идеи Евразийства, господствовавшие при потомке Чингисхана Хубилае, в источниках Марко-Поло. Одним из безусловных доказательств того, что базисом государственного строительства и общественного строя Монголо-тюркской империи, созданной Чингисханом, была идея Евразийства со всеми вытекающими институтами, является свобода вероисповедания, гибкая система государственного управления, которая создавала и расширяла возможности империи, превращая ее во истину крупнейшую страну материка. Проблемой европейских источников данной эпохи является предвзятое отношение, которое на протяжении многих веков господствовало в отношении империи Чингисхана. Однако в трудах Марко-Поло заметна попытка рассмотреть империю изнутри. Вследствие своего глубокого анализа исследователь приходит к выводу, что великое государство не только является оплотом могущества, но и важным центром культурного влияния, который активно применяется в системе государственного управления. Опровергая все домыслы, которые касались великой империи, он ищет секрет успеха государства.

Ключевые слова: империя, Евразийство, свобода вероисповедания, влияние культур.

Yergobek Sh.K., Altayeva K.J.

**Ideas of Eurasianism in the
empire of Genghis Khan in the
western sources (On the writings
of Marco Polo)**

The article deals with the idea of Eurasianism prevailed when a descendant of Genghis Khan Khubilai in the sources of Marco Polo. One of the indisputable evidence that the basis of state-building and social order of the Mongol-Turkic empire created by Genghis Khan was the idea of Eurasianism with all its institutions is the freedom of religion, a flexible system of public administration that created and expanded opportunities Empire transforming it into the truth of the largest countries in the continent. The problem of European sources of this era is biased, which for many centuries prevailed in the relations of the empire of Genghis Khan. However, in the writings of Marco Polo apparent attempt to consider the empire from within. Due to its in-depth analysis the researcher comes to the conclusion that a great nation is not only a bastion of power, but also an important center of cultural influence, which is actively applied in the public administration system. Refuting all the speculation, which related to the great empire he is looking for the secret of the success of the state.

Key words: empire, Eurasianism, religious freedom, cultural influence.

Ергөбек Ш.Қ., Алтаева К.Ж.

**Батыстық қайнар көздердегі
Шыңғыс хан империясындағы
Еуразиялық идеялар (Марко
Поло еңбектерінің негізінде)**

Мақалада Шыңғыс хан тұқымы Құбылай қағанның тұсында үстемдік құрған Еуразиялық идея шетелдік зерттеуші Марко Полоның еңбектерінің негізінде сараланады. Мемлекеттік және қоғамдық құрылыстың негізі ретінде қарастырылуының дәлелі ретінде дін бостандығы мен мемлекеттік аппараттың тиімділігін айтуға болады. Бұл кезеңдегі еуропалық қайнар көздердің негізі болып олардың жеккөріністі көзқарасы болып табылады. Алайда Марко Поло еңбектерінің негізгі ерекшелігі оның мемлекетті ішінен бағалауға деген ниетін жатқызуға болады. Өзінің терең сараптамасының негізінде зерттеуші мемлекеттің тек қана қуат көзі емес, сонымен бірге, мемлекеттік басқаруда белсенді қолданылатын маңызды мәдени орталықтардың бірі болып табылатындығын қорытындылайды. Ол өз замандастарының жеккөріністі пікірлеріне қарсы шығып, айбынды мемлекеттің сырын табуға тырысады.

Түйін сөздер: империя, Еуразияшылдық, дін бостандығы, мәдениеттердің ықпалдастығы.

**ИДЕИ ЕВРАЗИЙСТВА
В ИМПЕРИИ
ЧИНГИСХАНА
В ЗАПАДНЫХ
ИСТОЧНИКАХ
(на трудах Марко-Поло)**

История изучения идей евразийства очень тесно связана с русской дворянской эмиграцией. Естественно, что власти Советского союза и не могли предположить, что идеи, зародившиеся в русской эмиграции, станут так популярны в стране победившего пролетариата. Однако идея широко распространилась и получила новый импульс развития и в стране победившего коммунизма. Особый импульс, естественно, идея получила во второй половине XX века в трудах великого ученого Л.Н. Гумилева. С развалом Союза появились и новые взгляды на историю и предназначение идеи евразийства. Так, ряд ученых попытался вычеркнуть из идеи евразийства тюркские корни, превратив ее в классическую традиционную российскую идею, связав его с идеей третьего Рима со всеми вытекающими последствиями.

Однако важно отметить что идеи евразийства не просто разрабатывались в теории, но и получили конкретную реализацию в государственно-правовых реформах выдающихся государственных деятелей тюркской эпохи. К таковым, безусловно, относятся Чингисхан и его наследники. Проблема изучения идеи евразийства заключается в недостатке письменных источников, относящихся непосредственно к периоду правления Чингисхана за исключением «Сокровенной истории». Однако в ряде источников описывается деятельность кагана Хубилая как продолжателя пути деда и отца по построению целостного евразийского государства со всеми атрибутами евразийства. Одним из них таких источников являются записи Марко Поло, посетившего великого хана.

Его рассказы носят повествовательный характер и даже противоречивы. Однако купец очень хорошо указывает на местные нравы и описывает великого хана:

В стране Ксанад благословенной
Дворец построил Хубилай-хан,
Где Альф бежит, поток священный,
Сквозь мглу пещер гигантских...

Также особое внимание он уделяет Чингисхану, которого в те времена проклинали в Европе: «Чингисхан был человек очень прямодушный: красноречивый, великой доблести, ве-

ликой мудрости и великих достоинств». Продолжая в том же духе опровержения устоявшихся мнений, Марко настаивает: «Скажу вам, что когда этот человек был избран на царство, он правил столь справедливо и умеренно, что был любим всеми и почитался не как владыка, а почти как Бог, так что его добрая слава разнеслась по многим землям, и все татары, рассеянные по чужим странам, охотно почитали его и повиновались его власти» [1].

Марко не мог не выразить заслуженного восхищения основателем монгольской династии. В глазах молодого венецианца в свершениях с ним мог сравниться лишь Александр Великий.

Монголы – яростные воины и искусные наездники, обладавшие блестящими способностями к адаптации, были тем не менее немногочисленны. Численность покоренного населения превосходила их в десять, двадцать и тридцать раз. Непомерно разросшаяся империя монголов не могла продержаться долго, но за время своего краткого господства они успели далеко распространить свою культуру и верования.

Чингиз сделал тенгризм – поклонение Небу – государственной религией монгольской империи и назначил себя ее главным представителем. В глазах монголов Небо господствовало над всем. Оно было больше гор, больше рек, больше самой степи. Оно было жизнью, духом и источником всеобщей силы. Тенгризм был прежде всего объединяющей силой, вдохновлявшей монголов на завоевания всего, лежащего под небом, то есть всего мира. Выполняя эту миссию, монголы стали одними из первых проводников глобализации, стремившимися связать все края света. Они были завоевателями и грабителями, но в первую очередь – объединителями.

Плохо подготовленный к сопротивлению Китай подчинился объединяющему влиянию монголов и попытался обернуть неизбежное в свою пользу. Персидский историк Вассاف словами, которые одобрил бы Чингиз, говорит: «Когда слухи о справедливости его правления достигли горизонта, счастливые народы Китая и за его пределами, до побережья Египта и далеко в западные земли, сочли за честь покориться его справедливой власти». В этой оценке сквозит горькая ирония.

Чингисхан применял силу осмотрительно и с уважением отнесся к обычаям и вере китайцев. Там, где его встречали относительно мирно, он приказывал своим военачальникам провозглашать религиозную свободу и запрещал поголовную резню. Монголы восприняли от

завоеванного народа не меньше черт, чем передали ему. Они усвоили кулинарную практику китайцев, манеру одеваться, юридические процедуры и религиозные обряды.

В 1227 году, успев увидеть, что его мечта об объединении Китая под властью монголов сбывается, Чингисхан умер в возрасте шестидесяти пяти лет, оставив сыну Угэдэю громадную империю, а также свод знаний и премудростей, уникальный в мировой литературе [1].

Через год после смерти Чингисхана группа монгольских писцов завершила «Тайную историю монголов», великолепную компиляцию монгольской истории, ритуалов, фольклора и обычаев, написанную на смеси монгольского и уйгурского языков (уйгуры – тюркская народность, распространенная в Средней Азии). От 1228 до 1240 года в этот труд несколько раз вносились серьезные изменения, давшие в результате окончательную версию. Оригинал ее утерян; основой последующих версий стал сокращенный китайский перевод.

Почему «тайная»? В ней содержались рассказы о Чингисхане, которые монголы предпочитали не делать общим достоянием, а также рекомендации по управлению, которые следовало выполнять властям предрежащим. Монголы желали охранить ее от посторонних, но сами были знакомы с ее законами и основными идеями и называли ее просто «История».

Написанное стихами и прозой эпическое произведение берет начало в шаманистском мировоззрении, объединяющем небо и землю, людей и животных. Рассказ начинается так: «Чингис (более точная версия имени монгольского вождя, предположительно означает «сильный») Каган был рожден с предназначением от высшего Неба. Он происходит от Бортэ-чино, чье имя означает «серовато-белая волчица», и Хоай-марала, который пересек озеро и поселился у истока реки Онон». Далее повесть описывает первобытный образ жизни монголов за двадцать два поколения до Чингиза. Об одном из его доблестных предтеч рассказывается: «Он увидел, как молодая самка кречета поймала и съела черную куропатку» – зрелище из тех, которые позднее наблюдал Марко Поло. «Взяв волосы из хвоста своего белого крепкохвостого выносливого коня, он сделал силок, поймал кречета и воспитал его. Когда ему нечего было есть, он ложился в засаду и поджидал диких зверей, загнанных волками к подножию скалы, убивал их стрелами и съедал. Вместе с кречетом он подбирал и съедал то, что оставля-

ли волки. Так он целый год питал и себя, и своего кречета» [1].

Монголы верили, что Чингиз пришел к ним с неба и после смерти вернулся домой на небеса. Но земная его династия продолжалась и после него. Его внук Хубилай родился в сравнительной безвестности, что отчасти охранило его от беды.

В интерпретации Марко монгольское завоевание предстает не беспощадным избиением тысяч людей, а сказочной историей о том, как власть монголов свободно распространялась по великой степи. «Когда Чингисхан увидел, что у него такое множество доблестных воинов, он, будучи велик душой, пожелал выйти из этих пустынь и диких мест и вооружил свой народ луками и пиками и другим оружием... Я скажу вам, что так велика была слава о его справедливости и доброте, что, куда бы он ни шел, каждый приходил к нему с покорностью и был счастлив заслужить его благосклонность, так что в очень малое время они завоевали, восемь провинций».

По словам Марко, завоевания Чингисхана были чудесами мирного подчинения. «Когда он получал и брал провинции, города и деревни силой, то никого не позволял убивать и грабить после победы и оставлял там справедливых наместников, которые ничем не вредили жителям и не брали ничего из их имущества». Более того, Марко заявляет, будто «те, кого он завоевал, видя, что он спасает и охраняет их, что им от него нет вреда, и, видя доброе правление и милость сего владыки, с радостью шли за ним и оставались верны ему». В такой подчищенной версии событий их союз вдохновил Чингиза на новые свершения. «Когда же Чингисхан собрал столь великое множество людей и увидел, что они слепо повинуются ему, он назначил себе великую цель и сказал им, что желает завоевать великую часть мира. И татары ответили, что им это по нраву и они последуют за ним с радостью, куда бы он ни повел».

Кем был Марко в действительности: ревностным христианином, исполняющим задание папы, презиравшим всех нехристиан как идолопоклонников, если не хуже? Или восторженным почитателем монголов? Он был тем и другим одновременно. В глазах Марко христианство воплощало установившийся порядок вещей, обеспечивающий безопасность, но в то же время ограничивающий свободу. Монголы, напротив, символизировали отвагу, магию и величие. Молодого путешественника очаровал их образ жизни и верования [1].

Переходя к описанию внука Чингиза, Хубилай-хана, Марко впадает в восторженный тон и внезапно забегает далеко вперед. По его оценке, Хубилай не больше не меньше как величайший властитель в истории. «Все императоры мира, все короли как христианские, так и сарацинские, собранные вместе, не имели бы такой власти и не могли бы совершить так много, как этот Хубилай-хан, владыка над всеми татарами мира». По правде сказать, Марко следует средневековой традиции панегирика, или официального восхваления. Преувеличения в них были обычны и даже необходимы. Однако он умел быть и едким, когда хотел этого, даже рассуждая о возвышенных и могущественных персонах, тем более находясь в относительной безопасности гентуэзской тюрьмы. Если отставить в сторону риторику, становится ясно, что перспектива встречи с этим великим героем наполняла его волнением и ощущением великой цели. Все, что осталось за спиной каравана Поло на Западе, мельчало в сравнении с величием и колоритностью Хубилай-хана и его кочевых подданных, вопреки всякой вероятности завоевавших Китай [1].

Эти постройки образовывали, в сущности, переносные деревни, и Марко дивится монгольской жизни на колесах: «Кроме того, у них есть очень красивые повозки всего с двумя колесами, покрытые черным войлоком, добротным и так хорошо изготовленным, что даже когда весь день идет дождь, он не проникает внутрь. Их влекут лошади или быки, а иногда хорошие верблюды. В этих повозках они возят жен и детей и все пожитки и пищу, какая им нужна.

Таким образом они добираются, куда хотят добраться, и так перевозят все, что им надобно».

Жизнь монголов, при всей ее суровости, в конце концов заслужила сдержанное восхищение Марко. В отличие от похотливых женщин Камула, монгольские жены хранили верность мужьям. «Ни за что на свете они не коснутся чужой жены, – провозглашает Марко, – потому что считают это низким и дурным делом». Он превозносит гармонию в семьях монголов: «Верность мужей женам удивительна, и поистине благородна добродетель этих женщин, которые, если их десять или двадцать, хранят мир и нерушимое единство». Вместо сплетен и свар женщины занимаются «покупками и продажей... жизнью дома и заботой о семье и о детях» – что заслужило одобрительную (а для уха европейца оскорбительную) оценку молодого Марко. «По моему рассуждению, эти женщины более всех

других в мире заслуживают восхваления за свою весьма великую добродетель».

Монголы так очаровали Марко Поло, что их шаманистские верования он описывал с неподдельным одобрением, без тени того пренебрежения, которое приберегал для большинства незнакомых вер. Он бодро начинает: «Они говорят, что есть высокий, чистый небесный Бог, у которого они каждый день, кадя благовониями, просят только мудрости и здоровья». Он признает, что они поклоняются идолам, но замечает, что особое внимание они уделяют одному богу, которого называют Натигай, – «богу земли, защищающему их жен, сыновей и посевы».

Марко забывает о своем вечном скепсисе, изучая их поклонение идолам. В его передаче оно оказывается до странности похожим на христианские обряды. «В каждом доме на стене висит изваяние, изображающее высокого и чистого небесного бога, или просто табличка, повешенная высоко на стене, с написанным на ней именем бога. Здесь каждый день, куря благовония, они поклоняются ему и в то же время, трижды скрипнув зубами и воздев руки, просят его дать им долгую жизнь, счастливую и веселую, мудрость и здоровье, а более ни о чем не просят. Кроме того, внизу, на земле, у них стоит другая статуя, по имени Натигай, бог земных дел... этот бог защищает их жен и детей; и ему они тоже приносят дары, и скрежещут зубами, и воздевают руки, и у него они просят хорошей погоды и плодов земли, детей и тому подобного» [1].

При всем внимании Марко к их религиозной практике ему остался неизвестным богатый духовный мир монголов, в котором Натигай посредничал между очагом и домом и безграничными силами космоса. Божества монголов вписывались в неустойчивую иерархию. Надо всем господствовало Вечное Синее Небо, а под ним находился пантеон из девяноста девяти божеств, среди которых был и Натигай, покровитель женщин, скота и урожая.

Начиная с описания религиозных верований, Марко приступает к разрушению сложившегося в сознании европейцев образа монгола как кровожадного дикаря. Совершенно неверный, по мнению Марко. Он пишет: «Они говорят изящно и красноречиво, приветствуют подобающим образом, с радостью и улыбкой, держатся достойно и опрятны в еде». «Они высоко чтят своих отцов и матерей. Если узнают, что сын сделал что-то им наперекор или не помог им в нужде, имеется общественная служба, у которой нет иного дела, как сурово наказывать

неблагодарных сыновей, о которых известно, что они обошлись с родными непочтительно». Такими мерами поддерживалась стабильность общества монголов. Хотя Марко воздерживается от похвалы официальному учреждению, наказывающему неблагодарных отпрысков, он смотрит на него с одобрением.

Его преклонение перед их доблестью прорывается сквозь формальную литературную позолоту, наложенную Рустичелло. «Богатые и знатные носят одежду из золота и одежду из шелка, и под верхней одеждой – дорогие меха соболя, горностая и белки (то есть пестрый мех) и лисицы, и всякие другие шкуры, очень богатые; и все их облачения и отороченные мехом одежды очень красивы и большой цены», – рассказывает Марко читателям. «Оружие их – луки, и стрелы, и очень хорошие мечи, окованные железом, а иногда копья и топоры, но они предпочитают лук всякому другому оружию, потому что они непревзойденные лучники, лучшие в мире и с детства овладевают этим искусством. А на спинах они носят доспехи из шкуры буйвола и других животных, очень толстые, из вываренных шкур, очень крепких и прочных. Они достойные мужи, победоносные в сражении и весьма доблестные, и очень яростные, и мало берегут свою жизнь, подвергая ее всяческим опасностям». Европейцы при мысли об этих воинах трепетали; Марко Поло подошел к ним так близко, что мог различить блеск их глаз и кумысную вонь из ртов, и его это опьянило.

Намного уступая числом своим противникам, не имея общей религии и общего языка, монголы покорили целый азиатский континент. Задача казалась невыполнимой, но они справились всего за несколько лет. Причину этого Марко видел в беззаветной преданности монголов воинскому долгу. Вдохновленные единым стремлением всегда и всюду служить своему повелителю, они казались куда более крепкими и стойкими, чем воины-европейцы [1].

Такая концентрация усилий произвела на Марко глубокое впечатление. «Когда войско идет на войну, – пишет он, – отважнее всех иных преодолевают они трудности, и часто, когда бывает в том нужда, движутся или стоят на месте без всякой пищи, кроме кобыльего молока и мяса убитой ими дичи, на которую они охотятся с луками». При необходимости «они двое и трое суток проводят, не слезая с седла». Он заключает свое описание откровенным восхвалением героев: «Они лучше всех людей на свете выносят труды и великие лишения, и удовлетворяются

скудной пищей, и по этой причине лучше всех могут завоевывать города, земли и царства». Эта суровая, но энергичная жизнь была воплощением власти и силы, это была свобода, это было осуществление всех мечтаний молодого путешественника.

Марко не раз подчеркивает ошеломительную величину монгольского войска. «Когда повелитель татар идет на войну, он берет с собой войско в сто тысяч всадников» – неслыханное для Европы количество. Несмотря на такие размеры, монгольская армия строилась на замечательно простых принципах организации. Военачальник, или генерал, «выбирает главного в каждой десятке, и в каждой сотне, и в каждой тысяче, и в каждом десятке тысяч, так что командующий держит совет только с десятью лицами». То же распространяется вниз по цепи подчинения: каждый начальник передает доклады десяти подчиненных одному вышестоящему, и тот поступает так же. Такая система позволяла монголам проводить крупные операции на равнине, в горах или в долинах. У них даже имелась сложная сеть шпионажа. Лазутчики разведывали дороги и долины впереди армии, и таким образом «никто не мог нанести им неожиданный удар ни с какой стороны».

Марко признает монголов мастерами военной стратегии – на суше и даже на море. Он восхваляет не их жестокость, а тонкое стратегическое искусство. Многие китайцы и европейцы удивлялись, узнав, что когда монголы «идут на бой с врагами, они в поле наносят им поражение не только наступлением, но и бегством». Монголы не считали позором в сражении показывать спину, но заманивали противников в ущелье или на скалу, где окружали и убивали стрелами, прибереженными для этого момента. «Когда враги поверят, что разбили и победили их (монголов), обратив их в бегство, – пишет Марко, – степные воины перестраиваются и выпускают стрелы, смазанные смертельным ядом, поражая вражеских лошадей. После этого монголы бросаются в контратаку на спешенных изнуренных врагов и убивают их».

В своих записках Марко с сожалением отмечает, что эпоха чистоты монгольского воина миновала – «теперь они весьма опустились» под развращающим влиянием «обычаев идолопоклонников» – очевидно, буддистов, чье влияние быстро распространялось по региону, – и столь же быстро распространявшегося ислама.

Независимо от веры тяжущихся правосудие монголов было скорым и неотвратимым. «Если

человек ударил другого ножом или мечом, все равно, попал он или нет, или только угрожал, ему отрубают руку, – пишет Марко. – Тот, кто нанес рану, должен получить такую же от раненого» [1]. Мелкое воровство наказывалось побоями: «самое малое семь ударов тростью, или, если украл две вещи, семнадцать, а если три – двадцать семь ударов» – и так далее по возрастающей, каждый раз на десять ударов. «И многие из них умирают от побоев». Дерзнувший украсть коня (монголы предусмотрительно клеймили их) или быка неизбежно умирал от полученных в наказание ударов, порой, чтобы сократить процедуру, преступника рассекали надвое мечом. Милосердие имело материальное выражение. Конокрад, который мог выплатить семикратное возмещение за свое преступление, сохранял жизнь, если не честь.

Один монгольский обычай особенно поразил Марко: браки между умершими детьми. Он не жалеет усилий, чтобы объяснить европейцам этот сложный ритуал, который те вполне могли принять за гротескную выдумку. «Когда из двоих мужчин один имеет ребенка мужского пола, который, может быть, уже четыре года как умер и не был женат, он предлагает другому, у которого был ребенок женского пола, выдать ее замуж, даже если она тоже умерла до брака. Они отдают мертвую девочку в жены мертвому мальчику и составляют документы о приданом и женитьбе». После завершения церемонии некромант – шаман или колдун, общающийся с умершими, – сжигал документы, дымом возвещая духам мертвых о женитьбе покойных детей. Устраивали свадебный пир. Затем семьи изготавливали изображения умерших новобрачных, помещали их на конную повозку, пышно украшенную цветами, и объезжали с ней окрестные земли, а закончив пир, предавали фигурки огню «с великими молитвами и приношениями богам, чтобы они сделали счастливым брак в ином мире».

Две семьи, связанные браком мертвых детей, обменивались дарами и даже приданым, как если бы жених и невеста были среди них, стирая грань между жизнью и смертью. После этого «родители и родичи считали себя родней друг другу и хранили родство... как если бы умершие дети были живы». Впрочем, Марко еще только разошелся, поскольку у него есть нечто «воистину чудесное, о чем следует написать». Что же могло превзойти уже описанные им чудеса? Ответ у него наготове: «Мы будем говорить о правлении великого хана и о его дворе, который

я, обойдя и повидав многие царства, ни с чем не могу сравнить». Мало того, «обязуюсь не говорить о нем ничего, не согласного с истиной».

«Народ держится смиренно, тихо и спокойно на полмили вокруг места пребывания Хубилай-хана, из уважения к его превосходительству, и не слышно ни звука, ни шума, ни криков и громких разговоров, – рассказывает Марко о жизни в монгольском дворце. – Каждый барон или знатная особа всегда имеет при себе маленькую красивую вазу, в которую он сплевывает, находясь во дворце, потому что никто не осмеливается плевать на пол» [1].

В заключение можно подытожить, что Марко Поло был не просто большим поклонником Хана Хубилая, он был большим поклонником государства, построенного Чингисханом. Для него это был некий идеал, к чему должна стремиться каждая империя и государство. Естественно, что он ставит противоречие между христианством и тенгрианством. Однако и ясно то, что, по его мнению, свобода вероисповедания и другие свободы, которые гарантируются империей и являются тем необходимым фундаментом, на котором поликультурное общество может строить свое благополучие.

Литература

- 1 Марко Поло. От Венеции до Ксанаду // Бергрин Лоуренс // <http://www.e-reading.club/book.php?book=1007895>

References

- 1 Marko Polo. Ot Venecii do Ksanadu // Bergrin Lourens // <http://www.e-reading.club/book.php?book=1007895>